

1.

Когда в некотором царстве, в некотором государстве царь Борис Бодунов от всей широкой царской души разрешил своим верноподданным брать столько, сколько смогут, и они стали хапать все, что плохо, а пуще того, хорошо лежало, колхозники колхоза «Путь Ильича» всполошились: «А мы что — рыжие? Сколько нам топтать путем Ильича?! Хотим идти путем Абрамовича!»

Они переименовали свой колхоз в «Путь Абрамовича» и стали судить да рядить, сколько, чего и где им взять и как можно больше. Но как ни судили-рядили, оказалось, что все уже роздано, и, кроме земельных паев и ветра в поле, взять им, в общем-то, нечего.

— Но если неча взять, давайте не отдавать! Откажемся от уплаты налогов! — подал голос со своей бокогройной печки Иван-дурак.

— И прискочат царские опричники, и заберут за недоимку твою коптящую небо движимость и нашу недвижимость, и останемся мы голы как соколы. Разве это тот путь, который предначертан колхозу «Путь Абрамовича»? — возразил ему бывший председатель колхоза Голощупов.

— А может, взять в руки власть? По примеру Ильича и Абрамовича? — ляпнул, опять же не подумав, Иван-дурак.

— Голова садовая! Истории не знаешь! — упрек-

нул его Голощупов. — Ильич и Абрамович сначала взяли телеграф, банки и нефть в свои руки, а уж потом власть. Какая власть может удержаться и пожить всласть без червонцев и нефтедолларов?

— Ну, тогда давайте объявим колхоз независимым государством! — не унимался дурак. — Будем никому не под шапку! И все наши налоги на движимость и недвижимость, на завышенную и заниженную скорость, на предельные и беспредельные небокоптильные выбросы пойдут в наш бюджет!

— Ля, а ведь в этом есть зерно, — озадаченно почесали затылки собравшиеся, поразившись финансово-экономической глубине дурацкого мышления.

Пораскинули они мозгами и порешили колхоз «Путь Абрамовича» объявить независимым государством, свободным от долговых обязательств перед другими странами. На границе поставить полосатый столб и деда Карася с ружьем, дав ему наказ, чтобы не дремал. С гражданами других стран установить визовый режим: впускать за доллары, а выпускать без долларов.

2.

После небольшого перерыва перешли к выборам государственных органов. Но стоило только заикнуться о президенте, как все карты спутал Иван-

дурак, с ходу замахнувшись на этот высокий пост. «Иван, ты неправ!» — попытались образумить его трезвомыслящие люди. Крепкие задним умом, они предложили избрать президентом прежнего хозяина колхоза Голощупова. Но нашлись и такие хлусты среди несоюзной молодежи, которые проголосовали за дурака. Конечно же, они остались в меньшинстве: не хватало, чтобы на международном уровне их страну представлял человек не в своем, а непонятно в чьем уме, может стать-ся, в пограничном или заграничном сознании!

Избранный президентом Голощупов занял председательское кресло и за остальных кандидатов на высокие должности предложил голосовать списком.

Требовалось утвердить: Голощупову Елену Филимоновну (его жену) — премьер-министром и министром финансов; Голощупова Кирилла Егоровича (его старшего сына) — министром сельского хозяйства, хлебопекарной и маслостроительной промышленности; Голощупова Юлиана Егоровича (его младшего сына) — министром иностранных дел и самообороны; Рукосуеву Варвару Ксенофонтовну (его тещу) — министром внутренних дел и председателем Государственной Думы.

Ознакомившись с этим списком, колхозники возмутились:

— Это же семейственность!

— А кто сказал, что семья — это плохо? — возразил им президент колхоза. — Наш высокий образец для подражания... сиречь Абрамович... разве не из президентской семьи? То-то! Семья — основа государства. Без основы государство рухнет, как карточный домик. Вы хотите, чтобы наше государство рухнуло?

— Нет.

— Тогда ставлю вопрос на голосование.

— Стойте! — вскочил со своей печки Иван-дурак. — Вы про медицину, образование и культуру забыли!

— Нет, не забыли. Вся закавыка в том, что для министерства бесплатного здравоохранения, бесплатного образования и бесплатного социально-культурного существования не осталось портфеля. А кто согласится работать министром без портфеля?

— Я соглашусь! — вызвался Иван-дурак. — Моя сумка — лучше всякого портфеля, потому что она безразмерная. Сколько ни собираю в нее подаяние — ни разу до краев не наполнил!

И он высоко поднял свою полупустую холщовую сумку, с которой в поисках пропитания объезжал дворы на своей печке.

— А что, — раздумчиво проговорил президент, — кандидатура для этого министерства

вовполне пригожая. Иван zelo искусно наловчился собирать подаяние и знает в точности, кто, сколько и чего может дать по остаточному принципу. Теперь по министерствам у нас полная ясность. Кто за то, чтобы быть по сему? Кто против? Кто воздержался? Единогласно!

3.

— Чтобы наше государство признали другие страны, — продолжал далее Голощупов, — нам нужно принять Конституцию. Колхоз без Конституции — это все равно что человек без порток. С нами никто дипломатию разводить не станет. Предлагаю записать в Конституции, что наш колхоз «Путь Абрамовича» является суверенным демократическим государством, ступившим на столбовую дорожку чудодейственного, развитого капитализма.

Это предложение граждане колхозники одобрили единогласно.

Затем участники всенародного колхозного голосования перешли к обсуждению гимна, флага, герба и денежного знака свежее испеченного государства. После отбора лучших вариантов сошлись на том, что их молодой, нацеленной на светлое капиталистическое будущее демократии лучше всего подходит гимн «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». На голубом флаге с золотистой бахромой изобразили Абрамовича с рукой, простертой к сияющим вершинам капитализма, и с его напутствием: «Верной дорогой идете, господа-колхозники!» Герб утвердили с тем же рисунком, само собой, уменьшенным. Денежную единицу назвали абрамчиком, ее скопировали с доллара, заменив американского президента на своего путеводного вождя — Абрамовича.

Остальные законы наказали измыслить колхозной Думе, в которую полным составом включили семью президента, ставшую там самой многочисленной и, по сути дела, правящей партией.

Первым Дума приняла закон «О неуклонном повышении жизненного уровня граждан колхозников». Этим законом устанавливались максимальный размер жалования депутатов Думы, выше которого нельзя было подниматься (потому что выше было некуда), и минимальный размер оплаты труда колхозников, ниже которого нельзя было опускаться (ниже было некуда).

Еще одним законом устанавливался размер продовольственной корзинки для всех граждан страны. Сообразно этому закону для каждого сплетена была корзинка, отвечающая его весу в обществе. Поскольку вставшие в детство пенсионеры не имели абсолютно никакого веса (более

того, были отрицательным балластом), им досталась корзинка такая же, как и грудным детям, только без молока (оно вредно пожилым), без мяса (его нечем жевать), но зато с маслом (правда, обезжиренным). Корзинки увеличивались по мере прибавления общественного веса, и самые большие достались депутатам колхозной Думы, а стало быть, и семье президента.

В ознаменование принятия Конституции президент колхоза Голощупов Первый объявил семидневные рождественские каникулы.

4.

И пошла по хуторам и селам разухабистая, веселая гульба. Граждане колхозники ходили толпами из конца в конец своей малогабаритной свободной страны, размахивали флагами и распевали гимн «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

В общем, пили, ели, веселились. А когда протрезвели — прослезились, обнаружив, что все коровы проданы, фермы закрыты, свиньи пущены на мясо, овцы — на шерсть.

— Почему наших буренок, хрюшек, овец и баранов пустили под нож? — подступили они к министру сельского хозяйства Голощупову-младшему.

— Но вы же хотели купаться в золоте, а не в навозе. Чтобы воплотить вашу мечту в жизнь, пришлось от животных избавиться.

— Тогда давайте золотодобычу делить.

— А делить нечего. Все золото ушло на покупку навоза. Навоз — основа урожая. Или вы хотите без урожая остаться?

— Нет, не хотим.

— Так давайте его выращивать! Солнышко припекает — сеять пора!

Все, как один, вышли земледельцы в поле, стали боронить и сеять, растить и холить будущий урожай. Сюда же на своей печке с министерством на прицепе прибыл и министр без портфеля, иначе с балалайкой в руках, Иван-дурак. Все лето красное его министерство пело и плясало, вдохновляя полеводов на трудовые подвиги.

По осени собрали урожай. Большую толику его продали, меньшую — уложили в закрома. Усталые, но довольные, граждане колхозники пришли со своими корзинками получать заработанное. Но оказалось, делить нечего, вся прибыль, по словам президента, ушла на порох и понюх табака деду Карасю, укрепление властной вертикали и силовых структур.

— Каких еще структур? Разве вам мало деда Карася с берданкой?

— Дед Карась с берданкой, — снисходительно усмехнулся президент, — это вчерашний день наших морально и физически устаревших, плохо вооруженных сил. Коварный, подлый не дремлет враг. Он подступил вплотную к нашим границам. Чтобы отразить любую его атаку, мы должны оснастить нашу армию современными средствами вооружения! Ради свободы и независимости нашей колхозной державы нам надо сплотиться и туже затянуть пояса!

— Но мы ведь не для того пошли путем Абрамовича, чтобы затягивать пояса, — заявили несогласные. — Мы будем протестовать! И очень бурно!

— А мы будем брать вас в ежовые рукавицы и сажать в темницы!

И он отдал приказ министру внутренних дел Рукосуевой тащить и не пущать.

Несмотря на грозное предостережение, несогласные вышли на улицы, чтобы поднять народ на государственный переворот. Да только мало кто их поддержал. Патриотически настроенные господа колхозники охотно согласились затягивать пояса. И до того дозатягивались, что один за другим стали отправляться к праотцам. А впрочем, нет худа без добра, о чем гласит и закон физики: ежели в одном месте что-то убавится, то в другом, как пить дать, прибавится. Так и в нашей полной чудес капиталистической стране процесс уменьшения народонаселения привел к значительному росту земельных наделов правящей семьи — не бросать же земельные паи почивших в бозе на произвол судьбы!

И наступил, наконец, такой день, когда все земельные паи оказались в руках правящей партии. Земли у них прибавилось немерено, зато совершенно опустели продуктовые корзинки — выращивать урожай стало некому. Тут-то Голощуповы и вспомнили о большом доке по сбору податей — безлошадном, безземельном и беспортфельном Иване-дураке. Пали все Голощуповы и одна Рукосуева перед ним на колени и стали бить челом, слезно умоляя лететь на всех парах на своей печке в заморские страны за гуманитарной помощью.

Загудела было печка, пыхнула дымом, да только не сдвинулась с места, потому как не повелел ей Иван-дурак катить в дальние края, заморские страны.

— Сами обобрали до нитки свою страну, сами и таскайтесь по миру с протянутой рукой! — сказал челобитчикам Иван-дурак. — А не захотите протягивать руки — протянете ноги!